

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА: СОВЕТСКИЕ И ПОСТСОВЕТСКИЕ ПРОБЛЕМЫ¹

Г.В. АНИСИМОВА,

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
Институт экономики РАН, г. Москва, Россия,
e-mail: anisimovagalina@bk.ru

В статье отмечена значимость исследования экономического неравенства как важнейшей проблемы политической экономики, имеющей экономические, социологические и политологические аспекты. Рассмотрена гипотеза Нобелевского лауреата по экономике С. Кузнеця о влиянии экономического роста на неравномерность распределения, основанная на анализе исторической динамики доходного неравенства. Обобщены методологические подходы к исследованию взаимосвязи экономического неравенства и экономического роста. Показано, что в середине XX в. господствовало представление о существовании естественного цикла неравенства. Однако в более поздних исследованиях нет единства мнений: экономический рост может сопровождаться снижением, увеличением или консервацией неравенства, а рост неравенства имеет место на фоне экономического спада.

Специальное внимание уделено сопоставлению либерального экономического подхода, согласно которому неравенство является ключевым инструментом экономического роста: чем больше неравенство, тем больше экономический рост, и противоположной точки зрения, которой придерживаются другие исследователи, видящие в неравенстве сдерживающий фактор экономического роста. Показана актуальность исследования проблемы неравенства и в советский период. В то время научный подход к реальным народнохозяйственным проблемам сталкивал исследователей с проблемой расхождения жизни и положений официальной науки. Существенный вклад в создание методологической базы политэкономического исследования неравенства внесли Я.А. Кронрод и А.П. Бутенко. Результаты их исследований в области методологии политической экономики явились импульсом к существенному реформированию многих сложившихся представлений об экономической теории социализма, представляя научный интерес и сегодня.

Приведены эмпирические данные, характеризующие тренды неравенства советского и постсоветского периодов. Показано, что негативным социально-экономическим результатом рыночных преобразований в постсоветской России стала чрезмерная дифференциация доходов населения и, как следствие, – резкая социальная поляризация общества. Сделан вывод о том, что в настоящее время

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Экономическое неравенство и экономический рост в российской экономике и обществе: социально-экономические тенденции, статистические измерения, концепция регулирования» (№ 14-02-00325).

в России речь идет не столько о дифференциации доходов, сколько о переходе ее в крайние, особо опасные формы социально-экономического неравенства. Неоснованное избыточное неравенство уровней доходов населения в России является одним из важнейших факторов, сдерживающих экономический рост, который тесно связан с величиной потребительского спроса населения.

Ключевые слова: экономическое неравенство; экономический рост; методологические подходы

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE ANALYSIS OF ECONOMIC INEQUALITY: THE SOVIET AND POST-SOVIET PROBLEMS

GALINA V. ANISIMOVA,

Candidate of Economics, Associate Professor,
Leading Researcher, Institute of Economy of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
e-mail: anisimovagalina@bk.ru

The relevance of the study of economic inequality as the most important problems of political economy is emphasized, in economic, sociological and political aspects. The author discusses the hypothesis by Simon Kuznets who won the Nobel Prize in Economic Sciences for the impact of economic growth on the non-uniformity of distribution, based on an analysis of historical dynamics of income inequality. The article summarizes the methodological approaches to the study of the historical dynamics of inequality in income distribution, relationship between economic inequality and economic growth. It is shown that in the middle of the XX century, the concept of the natural cycle of inequality was dominated. However, there were not consensus in more recent studies about whether economic growth can be accompanied by a decrease, increase or preservation of inequality, while the growth of inequality may occur against a background of economic downturn.

Special attention is paid to the comparison of the liberal economic approach, according to which inequality is a key tool for economic growth: the greater the inequality, the greater the economic growth – and the opposite point of view, which other researchers follow, viewing the inequality as a constraint for economic growth. The urgency of the problem of inequality in the Soviet period and its study is shown. The researchers of that time faced with the problem of differences between the real life and officially provided data. A significant contribution to the development of methodological base for political economy studies of inequality was made by J.A. Kronrod and A.P. Butenko. Their results served as the impetus for reformatory ideas about the economic theory of socialism, which are of importance today as well.

Empirical data showing inequality trends in the Soviet and post-Soviet periods are provided. It is shown that the market reforms in post-Soviet Russia has resulted in excessive income differentiation of the population and, as a consequence – sharp social polarization of society. It is concluded that at the present time in Russia the issue at stake is not income inequality as such, but rather its transformation into particularly dangerous form of social and economic inequality. Unjustified excessive inequality of incomes among the Russians is one of the major factors constraining economic growth, which is closely related to the value of consumer demand.

Keywords: economic inequality; economic growth; methodological approaches

JEL classifications: B22, J31, O47

Введение

Сегодня проблема экономического неравенства занимает центральное место в политической экономии, как в свое время проблема классов и распределения богатства занимала аналогичное место в классической политэкономии. Обоснование пределов неравенства доходов и экономических благ является одним из самых сложных и социально конфликтных вопросов современной экономической теории (см. напр.: *Пикетти, 2015; Стиглиц, 2015*). Его актуальность, характерная для всех типов социально-экономических систем, получает дополнительное подтверждение в современном глобализирующемся мире (см. подробнее: *Анисимова, 2013а*). Неравномерность или неравенство в распределении национального дохода или национального богатства относится к числу важнейших экономических характеристик, тесно связанных с экономическим ростом и влияющих на него.

К истории вопроса

Одним из первых в мировой научной литературе проблему влияния экономического роста на неравномерность распределения обозначил Нобелевский лауреат по экономике (1971) Саймон Кузнец. Содержательная интерпретация эмпирического анализа долгосрочных тенденций распределения национального дохода в странах, находящихся на разных уровнях развития (Индия, Шри-Ланка, Пуэрто-Рико, Великобритания и США) легла в основу его гипотезы, согласно которой на ранних стадиях экономического роста неравенство в распределении доходов увеличивается, потом по мере экономического развития (в процессе «капиталистической модернизации») стабилизируется и, наконец, по достижении экономикой определенного уровня начинает сокращаться (*Kuznets, 1955. P. 4*). Это положение получило в экономической литературе название «обратная U-образная кривая» (*inverted U-shaped curve*), кривая Кузнецца (*Kuznets curve*) перевернутой-U формы. Кузнец рассматривал эту связь именно как изменение в распределении доходов, вызываемое экономическим ростом, как его следствие.

Исходной позицией сравнительного анализа тенденций внутристранового неравенства распределения явилось представление национального дохода как суммы доходов всех видов, полученных населением. При этом анализ опирался на данные налоговых деклараций, поэтому была рассмотрена динамика доли верхней доходной группы населения, т.к. только по ней имелась статистика налоговых поступлений с 1919 г.

Кузнец обнаружил, что в XIX в. рост неравенства доходов проявлялся во всех проходивших индустриализацию европейских странах. Причем самым заметным он был в Англии. Наивысшей точки кривая дифференциации доходов в странах Европы достигла на рубеже XIX–XX вв., в период с 1920-х по 1950-е гг. в западных странах произошло заметное выравнивание доходов населения. Кузнец сделал вывод о том, что если сравнивать начало XX в. и период после Второй мировой войны, неравенство в распределении доходов резко сократилось. Так, он показал, что за десятилетний период доля доходов 5% наиболее обеспеченного населения сократилась с 23,7% в 1939 г. до 17,8% в 1948 г. (*Kuznets, 1953. P. 45–58*).

Подразумевается, что «кривая Кузнецца» описывает следующую последовательность событий: на ранних стадиях хозяйственного развития инвестиционные возможности владельцев капитала множатся, а рост заработной платы трудящихся сдерживается притоком дешевой рабочей силы из села в город. В результате по мере индустриализации растет неравенство: возникает элита, которую составляют состоятельные промышленники, а рядовые работники по-прежнему влачат нищенское существование. Однако затем капитала становится много, прибыли стабилизируются или даже падают, приток наемных работников из села иссякает, а заработная плата начинает расти. Благоденствие приобретает повсеместный характер, а в экономике начинает задавать тон средний класс.

В попытке объяснить свои выводы, Кузнец выделил два фактора, которые приводят к увеличению неравенства в течение первого этапа экономического развития. Первый фактор связан с концентрацией сбережений в верхней доходной группе. Второй фактор – изменение структуры экономики. Эта модель предполагает, что экономика может быть разделена на два сектора с различным отраслевым распределением доходов, что влечет перелив рабочей силы из отсталого аграрного сектора в современный городской сектор.

При этом С. Кузнец оставлял открытым вопрос, к улучшению какого из традиционных факторов производства (капитала или рабочей силы) следует относить процессы, которые рассматривались им в качестве основных источников современного экономического роста: развитие науки и образования, а также накопление технологически применимых знаний (*Kusnets, 1966. Pp. 81–82, 183–185, 228–229, 286–293*).

Детально проанализировав данные о динамике национального дохода за длительный период и стремясь минимизировать возможные ошибки в подсчетах, С. Кузнец уделял большое внимание выяснению источников ошибок при сравнительном анализе экономики стран с различным уровнем экономического развития. Он подчеркивал, что «В статье примерно 5% эмпирической информации и 95% – гипотетической. Оправданием для построения сложной модели на достаточно зыбком фундаменте служит глубокий интерес к поставленной проблеме... Тема занимает центральное место в экономических исследованиях и размышлениях; наши знания о ней недостаточны; дальнейшее обобщение сможет направить наши исследования в продуктивное направление; гипотеза может принести больше пользы, чем вреда, являясь эффективным способом представления общего взгляда на область исследования, а не набором полностью доказанных выводов» (*Kuznets, 1955. P. 26*).

Методологические аспекты

Гипотеза С. Кузнеца вдохновила многочисленные исследования исторической динамики неравенства в распределении доходов. Это важная междисциплинарная проблема, имеющая экономические, социологические и политологические аспекты, по поводу которой до сих пор еще ведутся споры. Ее изучение повлекло за собой целую цепочку взаимосвязанных вопросов о социальных и экономических аспектах процесса индустриализации в разных странах, соотношении общего и особенного в этом процессе.

В середине XX в. господствовало представление о существовании некоего естественного цикла неравенства, движимого силами рынка, гипотеза Кузнеца считалась неоспоримой. Ее научную правоту отстаивали Р. Барро, Ф. Боргуньон, Р. Перотти, С. Робинсон и др. Подтверждение этой гипотезы показали отдельные эмпирические проверки, проводившиеся зарубежными исследователями на материалах различных выборок по развивающимся и развитым странам (см.: *Ahluwalia, 1976; Williamson and Lindert, 1980*).

Между тем масса исторических примеров свидетельствует о том, что процесс куда более сложен (см. напр.: *Воейков, Анисимова, 2015а; 2015б*). В ряде более поздних зарубежных исследований учёные приходят к выводу, что гипотезу С. Кузнеца следует, скорее, отклонить: экономический рост может сопровождаться снижением, увеличением или консервацией неравенства (см.: *Milanovic, 1994; Deininger and Square, 1996*). Исследователи отмечают примеры, когда увеличение неравенства происходило на фоне не роста, а падения – в странах Восточной Европы и Центральной Азии в период 1985–1995 гг. (см.: *Adams, 2003*), а также примеры негативного влияния неравенства на экономический рост (см.: *Bigsten and Levin, 2001*).

Имеются свидетельства и того, что кривая Кузнеца верна лишь по отношению к нормальному, но не избыточному неравенству (*Bohman, 1996*). Похожий подход к определению неравенства имеется и в российской литературе. «Ключом к решению этой

проблема является подразделение общего неравенства на нормальное неравенство, характеризующее распределение доходов среди слоев населения, активно вовлеченных в экономические процессы, и избыточное неравенство, обусловленное низкими доходами тех слоев населения, которые не оказывают существенного влияния на макроэкономические изменения... Это – бедные или просто малообеспеченные слои населения, которые живут за счет социальных трансфертов и домашнего производства, либо заняты в секторах экономики, находящихся в условиях депрессии или зависящих от государственного финансирования, которое в сложившихся условиях оказывается недостаточным» (Шевяков, Кирута, 2002. С. 66–67). При этом избыточное неравенство отражает неспособность общества в равной степени использовать экономические потенциалы всех трудоспособных групп населения и обеспечивать приемлемый уровень жизни группам населения, нуждающимся в социальной поддержке. Нормальное неравенство непосредственно связано с процессами в экономике, тогда как избыточное зависит от толерантности общества к бедности и институциональных условий. Однако недостатком такого подхода является, во-первых, определение уровня бедности и соответственно избыточного неравенства как статистической категории.

Либеральные экономисты именно в неравенстве видят основу экономического развития. Так, Людвиг фон Мизес пишет: «Неравенство доходов и богатства свойственно рыночной экономике. Его устранение полностью разрушило бы рыночную экономику». Неравенство, согласно либеральному подходу, способствует росту сбережений, а следовательно, и инвестиций в развитие экономики. «В системе неравенства эгоизм побуждает человека экономить и всегда инвестировать свои сбережения так, чтобы наилучшим образом удовлетворять наиболее насущные нужды потребителей. В системе равенства этот мотив исчезает». И еще: «Даже тот, кто смотрит на неравенство богатства и доходов как на факт, достойный сожаления, не может отрицать, что он стимулирует прогрессирующее накопление капитала. А именно дополнительное накопление капитала только и является причиной совершенствования технологий, повышения ставок заработной платы и более высокого уровня жизни» (Мизес, 2000. С. 788, 796, 798).

Не случайно либеральные экономисты активно выступают против государственного регулирования уровня неравенства, так как, по мнению того же Мизеса, «в долгосрочной перспективе такая политика должна привести не только к замедлению или полному прекращению дальнейшего накопления капитала, но и к проеданию ранее накопленного капитала. Она не только парализует дальнейшее продвижение к большему материальному процветанию, но и развернет тренд в противоположную сторону и сформирует тенденцию прогрессирующего обнищания» (Мизес, 2000. С. 792).

Как видим, согласно либеральному экономическому подходу, неравенство является ключевым инструментом экономического роста: чем больше неравенство, тем больше экономический рост. Чем больше богатства концентрируется у немногих, тем больше сбережения и, следовательно, инвестиции. Ибо бедные слои населения практически не имеют сбережений, а богатые все проесть не могут и волей-неволей будут инвестировать свои сбережения. Такова логика экономического либерализма и ей нельзя отказать в научности.

Однако эту позицию разделяют далеко не все исследователи. Социальные и демократические исследователи считают совсем наоборот. По мнению чл.-корр. РАН Р.С. Гринберга «проповедь неравенства стала материальной силой, которая, отвергая перераспределительную политику, размывает основу общества – демократию и средний класс...» (Неравенство доходов..., 2014. С. 39). Как отмечает американский исследователь Дэнни Дорлинг «Рынки начинают разваливаться, как только некоторые его участники получают больший стартовый капитал, чем остальные, или в процессе накапливают больше средств. Чем менее равны условия на рынке, тем менее эффективен он будет». И далее: «Рынки неэффективны там, где некоторые люди богаты, а

большинство бедно» (Дорлинг, 2014. С. 182, 183). Есть и более радикальное мнение. По мнению доктора Рудольфа Трауб-Мерца, руководителя Фонда им. Фридриха Эберта в России, именно «сокращение неравенства становится инструментом политики экономического роста» (Неравенство доходов..., 2014. С. 14). Итак, имеются различные точки зрения на проблему соотношения социально-экономического неравенства и экономического роста.

Методологические проблемы советского периода

Проблемы неравенства были актуальными и в советский период. Однако в обществе, где господствовала официальная идеология всеобщего равенства и социальной однородности (на словах), писать о них осмеливались немногие. Тогда считали, что советское общество было справедливым, и советский официоз вообще стремился к равенству или, как тогда говорили, к «социальной однородности общества». Так, научный подход к реальным народнохозяйственным проблемам сталкивал советских исследователей с проблемой расхождения жизни и положениями официальной науки. Поэтому в основном в научных исследованиях проблемы неравенства старались не затрагивать, а говорили о социальной однородности общества. Так, например, М.Н. Руткевич в 1982 г. писал: «Возрастание социальной однородности общества означает его продвижение ко все более полному социальному равенству, поскольку происходит выравнивание социальных групп и входящих в них индивидов по их положению в системе общественных отношений» (Руткевич, 1982. С. 11–12). Такова была советская официальная идеологическая установка.

Писать о неоднородности, а тем более о неравенстве в то время осмеливались немногие. Среди них видное место занимает Я.А. Кронрод. Подробно его роль и место в политической экономии советского периода освещены в статье проф. М.И. Воейкова (см.: Воейков, 2012). Выдвинутое Я.А. Кронродом положение о социальной неоднородности труда и фактическом экономическом неравенстве как отличительных признаках социалистического способа производства, характерных чертах отношений общенародной собственности опровергало устои господствующей идеологической схемы (см. подробнее: Анисимова, 2013б).

Трактуя отношения собственности-распоряжения как исходные Я.А. Кронрод полагал, что здесь существует лишь формальное равенство участников производства в экономическом процессе, которое реализуется в фактическом экономическом неравенстве отношений распределения, являясь формой экономически неравного присвоения продуктов труда для различных групп трудящихся. Я.А. Кронрод писал: «всенародная собственность как основное производственное отношение социализма заключает в себе внутренние противоречия – противоречия между «формальным равенством» производителей в отношениях собственности как отношениях всенародного коллективного присвоения-распоряжения средствами производства – и фактическим неравенством в тех же отношениях собственности как отношениях присвоения – использования средств производства различными общественными группами трудящихся» (Кронрод, 1966. С. 306). Согласно этим выводам, экономическое неравенство в советском обществе вызвано не просто субъективными причинами, не есть пережиток капитализма, а обусловлено коренными, глубинными особенностями существующего общественного строя – отношениями социалистической собственности на средства производства.

Предложенный Кронродом методологический подход к определению содержания общенародной социалистической собственности обнажил проблему противоречивости и резкого расхождения реального экономического процесса и официальной советской политэкономии. С.А. Хавина весьма метко называет определение трактовки Кронродом отношений собственности как «научный прорыв». Она отмечает: «Выводы наличие фактического неравенства людей из коренных особенностей сложившегося

социально-экономического строя, Яков Абрамович серьезно продвинулся к пониманию природы данного строя, в котором народ фактически отторгнут от собственности, к пониманию «общественной собственности» как собственности, фактически отторгнутой от народа» (*Экономическая теория...*, 2012. С. 252).

Не случайно его позиция была очень жестко, если не сказать жестоко, раскритикована многими известными деятелями советской науки. С весьма резкой критикой Я.А. Кронрода тогда выступили многие. Так, А.И. Пашков писал, что «нельзя согласиться с утверждением автора, что при социализме экономическое равенство людей в присвоении средств производства как распоряжении ими есть всего лишь формальное равенство», что «фактическое экономическое равенство людей при социализме отрицается здесь прямо, а фактическое социальное неравенство разных групп трудящихся объясняется «спецификой» социалистической формы собственности» (*Пашков, 1971. С. 98–99*). Сегодня мы можем уверенно сказать, что Кронрод был прав, а вот Пашков – ошибался.

И.И. Кузьминов, критикуя позицию Я.А. Кронрода, указывал, что расщепление собственности на две части (собственность как присвоение–распоряжение и собственность как присвоение–использование) сделано специально для того, чтобы «обосновать надуманное ...внутреннее противоречие всенародной собственности между равенством производителей в отношении собственности... и фактическим социальным неравенством в тех же отношениях собственности... В результате такой операции всенародная собственность на средства производства оказывается чреватой глубоким внутренним противоречием, которое, если бы это соответствовало действительности, не только не двигало, а, наоборот, тормозило бы развитие социалистической экономики» (*Кузьминов, 1971. С. 120*).

И наконец, Н.А. Цаголов писал: «Не случайно также Я.А. Кронрод, боровшийся за выделение отношений социалистической собственности на средства производства в отдельное, особое основное производственное отношение, должен был дать такую трактовку этого отношения, которая коренным образом отделяла его от отношений коммунистической собственности» (*Цаголов, 1983. С. 8*). В то время это были очень серьезные обвинения. Но сегодня мы можем сказать, что прорыв Кронрода приближает нас к пониманию реальностей советского общества, а Пашков, Кузьминов, Цаголов и другие сегодня очень устарели.

Кронрод доказывал, что фактическое неравенство в советском обществе есть объективная неизбежность, ибо на данной стадии индустриального развития существует неоднородность труда, которая и выступает объективной основой неравенства. «Члены общества не равны, – писал Кронрод, – они используют разные средства производства в разных условиях, затрачивая еще разные социально-экономические виды труда» (*Кронрод, 1987. С. 227*). А советские власти зачастую пытались делать наоборот. Они, руководствуясь советским официозом о социальной однородности общества, на практике проводили политику, близкую к уравниловке. Концепция же Кронрода, опубликованная в 1960-х гг., полностью противоречила официально проводимой политике и идеологии советского государства.

Стоит вспомнить, что со второй половины 1950-х гг. в соответствии с официальной идеологией преодоления классовых различий осуществлялось планомерное искусственное уменьшение дифференциации оплаты труда по трем основным направлениям:

- увеличение размеров минимальной заработной платы,
- сокращение разрывов в заработной плате низко- и среднеоплачиваемых по сравнению с высокооплачиваемыми группами рабочих и служащих,
- изменение в распределении численности рабочих и служащих по размерам заработной платы.

Зарплата ИТР стремительно сближалась с заработком рабочих. Как видно на рис. 1, если в 1940 г. средняя зарплата инженерно-технических работников (ИТР) была выше

заработка рабочего более чем на 100% (т. е. превышение составляло больше двух раз), то в середине 1980-х гг. – всего на 10,2%.

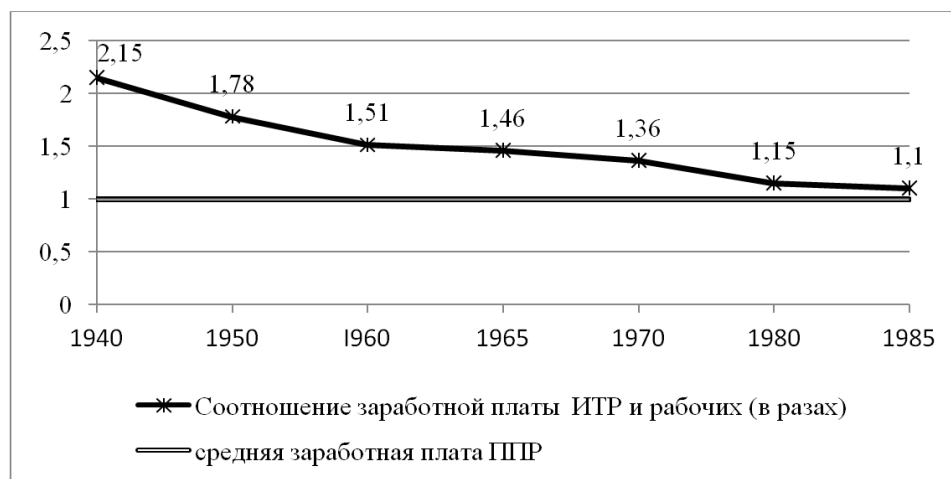

Рис. 1. Динамика соотношения заработной платы ИТР и рабочих в промышленности
Составлено по: (ЦСУ СССР, 1971. С. 519; 1986. С. 397).

Как считал Е.И. Капустин, в период 1956–1965 гг. в ходе проведения тарифной реформы в промышленности соотношение между ставками крайних разрядов сократилось почти в два раза. Уменьшились также различия между низшими и высшими должностными окладами ИТР и служащих (Капустин, 1974. С. 263). Таким образом, существенно сблизились размеры заработной платы работников разного уровня квалификации, разного качества труда. К концу 1980-х гг. практически исчезли различия в зароботке рабочих, инженерно-технических работников и служащих, социальное государство перерастало в уравнилельное.

Результаты исследований Я.А. Кронрода в области методологии политической экономики явились импульсом к существенному реформированию многих сложившихся представлений об экономической теории социализма. Не случайно Л.В. Никифоров отмечает: «раскрытие неравенства в отношениях собственности стало базой объяснения природы, наличия и воспроизводства противоречивости социальной структуры, реального неравенства людей по различным аспектам условий жизнедеятельности и жизнеобеспечения, социальной дифференцированности их интересов и потребностей, а соответственно и их относительной социально-экономической обособленности. То есть возникли основы анализа реально существовавших, а не формально декларируемых общественных отношений» (Экономическая теория..., 2012. С. 9–10). Ведь проблемы труда, равенства и неравенства характеризуют экономический строй общества, говорят о том, какое было общество. Из работ Кронрода вытекало, что то советское общество трудно было назвать социалистическим.

Работы Я.А. Кронрода даже спустя полвека созвучны современным проблемам и представляют большой научный интерес. В современном российском обществе весьма остро стоит проблема экономического неравенства, определения его оптимальных границ. Кронрод же еще в 1960-х гг. показал, что объективной основой неравенства для индустриального общества является неоднородность общественного труда, и нормальное неравенство должно соответствовать степени этой неоднородности.

Категория неравенства в значительной степени является ценностной категорией, тесно связанной с понятием справедливости. Господствующие в обществе представления о справедливости определяют уровень неравенства в распределении, кото-

рый признается обществом как норма. Поэтому формы и уровень неравенства оцениваются в обществе по критерию справедливости. Понятие о справедливости является основой устойчивого развития общества, так как непосредственно связано с массовыми настроениями, которые могут вылиться в дестабилизации и развал государства. Не случайно призыв к социальной справедливости и равенству является лозунгом многих революционных и политических движений.

Требование социального равенства зачастую отождествляется с требованием социальной справедливости, в результате чего распространено мнение о тождественности этих понятий. Хотя это не так, и видимо первым для советского периода на это обратил внимание А.П. Бутенко. В своих работах он обосновывал, что «при социализме социальная справедливость есть мера равенства, необходимая и достаточная для поддержания политической стабильности социалистического общества, сочетаемая с мерой неравенства, необходимой и достаточной для полной реализации принципа «от каждого по способности, каждому по труду» (*Бутенко и др., 1988. С. 81–52*). Согласно выводам А.П. Бутенко: социальная справедливость – ...такое сочетание равенства и неравенства, которое общественно допустимо и достаточно для осуществления общественного прогресса на соответствующем этапе человеческой истории (*Бутенко и др., 1988. С. 51–52*). По его мнению определение практической меры сочетания равенства и неравенства является одной из важных задач политической экономии. Следует иметь в виду, что это было сказано во время настойчивого насаждения советским официозом требования социальной однородности общества, что практически вело к уравниловке.

К чему приводит нарушение данного соотношения, хорошо видно на примере советской экономики. В результате искажения принципа социальной справедливости возникли серьезные деформации отношения к труду и снижение его производительности, что, по мнению ряда ученых, явилось одной из важнейших причин краха советской экономики. Как отмечал Бутенко: «Все это не могло не сказаться и сказалось отрицательно на развитии разных сфер общественной жизни, вело к опасному нарастанию кризисных явлений в экономике» (*Бутенко и др., 1988. С. 164*). Искусственно сформированная тенденция к уравниловке в оплате труда, по мнению Н.Е. Рабкиной, «взлелеянная экономистами» политика сокращения дифференциации заработной платы «под корень подрубила экономические стимулы». Она считает, что до конца 1960-х гг. экономика была еще «на краю воронки» и можно было еще вырваться из водоворота взаимодействующих частей разлаженного экономического механизма. «Но время было упущено и события вышли из-под контроля» (*Рабкина, 2000. С. 151*).

Неравенство, сбережения и инвестиции в современной России

В конце XX в., когда разрушалась советская система, многие граждане полагали, что приходит пора справедливости. Будущее постсоциалистическое общество виделось справедливым в противовес существовавшей уравнилительной системе. Однако, как показывает практика, прошедшие более двадцати лет преобразований не создали общество социальной справедливости. Негативным социально-экономическим результатом рыночных преобразований в постсоветской России стала непомерная и неизвестная нескольким поколениям граждан нашей страны поляризация доходов населения и, как следствие, резкая социальная поляризация общества. В настоящее время в России речь идет не столько о дифференциации доходов, сколько о переходе ее в крайние, особо опасные формы социально-экономического неравенства (см. подробнее: *Анисимова, 2015*).

Динамика коэффициента фондов, который характеризует степень социального расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов первой (беднейшей) и пятой (наиболее богатой) квинтильными (20%-ными) группами населения свидетельствует об устойчивой тенденции роста дифференциа-

ции доходов населения. За период 1992–2013 гг. значение коэффициента фондов выросло почти вдвое. Если в 1992 г. доходы наиболее обеспеченного населения превышали доходы наименее обеспеченного в 8 раз, то к 2015 г. – уже в 16 (*Федеральная служба...*, 2002. С. 130; 2015а. С. 109).

В современной России чрезмерное неравенство населения по материальному уровню благосостояния является одной из главных социальных проблем. Так, академик РАН Л.И. Абалкин отмечал: «Разрыв в доходах между бедными и богатыми в России катастрофичен. Более того, пропасть между ними постоянно увеличивается. В 1998 г. соотношение было 1 к 13,8. В первом полугодии 2004 г. – уже 1 к 15. С точки зрения социальной безопасности разрыв должен быть не более чем 1 к 8. Иначе это чревато ростом напряженности в обществе и – что, пожалуй, самое важное – сокращением доверия к власти» (*Абалкин, 2005. С. 78*). Если взять советское далеко не свободное общество в экономическом смысле, то там было весьма незначительное социально-экономическое расслоение. Децильный коэффициент (который рассчитывался как коэффициент фондов в современной статистике) составлял 3–5 раз, что было равно или даже ниже, чем в скандинавских странах. С 1990-х гг. в России появились новые тренды. Четко выраженной тенденцией, сформировавшейся в постсоветский период, является устойчивая тенденция роста подоходной дифференциации населения.

Если рассматривать взаимосвязь экономического неравенства, инвестиций и сбережений, то, следуя логике либерального подхода, в России должен бы наблюдаться тренд их роста. Однако, как видно на рис. 2, устойчивая тенденция роста характерна только для коэффициента Джини. Рост концентрации доходов населения сопровождается снижением темпов роста вкладов населения и инвестиций. Особенно настораживает тенденция сокращения темпов роста инвестиций в машины и оборудование. Не случайно столь велика степень износа основных фондов (2005 г. – 45,3%, 2014 г. – 49,4%), которая неуклонно возрастает (*Федеральная служба...*, 2015б. С. 68).

Рис. 2. Динамика инвестиций, сбережений и неравенства
Составлено по: (*Федеральная служба...*, 2015в; 2015г; 2016)

Необоснованное неравенство уровней доходов населения в России является одним из важнейших факторов, сдерживающих экономический рост, который тесно связан с величиной потребительского спроса населения. При проведении экономических реформ в России не учитывается позитивный зарубежный опыт использования сбережений населения. Именно сбережения населения во многих индустриально развитых странах являются одним из основных источников финансирования долгосрочных инвестиций. В России лишь малая часть населения обладает круп-

ными неиспользуемыми сбережениями. Основная же его часть зачастую не только не имеет сбережений, но и вынуждена себе во многом отказывать. Таким образом, чрезмерное неравенство сдерживает расширение внутреннего рынка и возможности роста производства.

Экономический рост при нарастающем социально-экономическом неравенстве неспособен привести к качественным изменениям, принципиально не решая проблему бедности и повышения благосостояния всего общества. Большинство населения России получает слишком низкие доходы по сравнению с величиной прожиточного минимума, из-за чего человеческий и трудовой потенциал используется неэффективно.

Очевидно, что проблема неравенства давно уже вышла за рамки чисто экономического фактора и приобрела серьезный социально-политический аспект. Господствующие в обществе представления о справедливости определяют уровень неравенства в распределении доходов, который признается обществом как норма. Поэтому формы и уровень неравенства оцениваются в обществе по критерию справедливости. Отклонение от этой нормы оказывает негативное влияние на экономическое развитие.

Экономическое неравенство воспроизводится в правовом неравенстве, которое, в свою очередь, влияет на экономические и социальные отношения. Рост неравенства усиливает властные позиции немногих и создает барьеры для большинства, т.е. противоречит демократии и способствует развитию авторитарных тенденций. Как показывают международные исследования, существует связь между неравенством и коррупцией, аналогичные связи наблюдаются и между неравенством и преступностью. Коррупция гораздо выше в неравном обществе, чем при более равномерно распределенных ресурсах (см: *Glaeseret. al., 2003; You and Khagram, 2005*). Неравное распределение доходов и богатства создает возможность для лиц с высокими доходами вмешиваться в политические процессы и демократическое управление. В частности, значительная концентрация богатства и доходов предоставляет богатым людям ресурсы, достаточные для дачи взятки высокопоставленным чиновникам и политикам. Неравенство увеличивает вероятность воздействия богатых домохозяйств на распределение государственных денег, лоббирования своих интересов.

Исследования последствий воздействия неравенства на экономический рост выявили, что показатели «социального здоровья» хуже в странах, где больше неравенство в доходах. В этих странах значительно ниже государственные и индивидуальные расходы на образование, ниже его уровень, больше процент людей, получающих пособия или талоны на продукты и не имеющих медицинской страховки, выше процент безработных и заключенных (*Yates, 2003. P. 58–59*). Большая часть населения получает слишком низкие доходы по сравнению с величиной прожиточного минимума, из-за этого их человеческий и трудовой потенциал используется неэффективно. В долгосрочной перспективе снижение качества социального капитала ведет к деградации всей экономики, поскольку возрастает доля малообразованного населения, не способного ни производить, ни даже потреблять высокотехнологичные товары, что делает проблематичным инновационный путь развития экономики.

Рост ВВП сам по себе не решает ни одной из социальных задач. Гораздо существеннее, как распределяется национальное богатство, на кого оно работает, где оседает. Изменение сложившегося положения зависит от многих объективных и субъективных факторов, но главное, определяется политикой, проводимой властными структурами и бизнесом и, прежде всего, системой институтов, образованных для проведения этой политики. В странах с рыночной экономикой уже в течение длительного времени осуществляется государственное регулирование, направленное на выравнивание материального положения различных доходных групп населения, и такая система признается наиболее важной частью механизма перераспределения доходов.

Искусственность формирования в Америке в середине XX столетия «относительно справедливого» общества и естественный характер его разрушения в последние десятилетия убедительно доказал проф. П. Кругман. Его исследования показывают, что «..институты, нормы и политические условия гораздо больше влияют на распределение доходов, а объективные рыночные факторы – гораздо меньше, чем в том нас пытаются уверить в базовом курсе экономики» (Кругман, 2009. С. 14). По его мнению ведущую роль здесь играли не перемены в экономике, а политическая воля правительства, осознавшего, что предотвращение социального взрыва возможно только при условии изменения налоговой и социальной политики. П. Кругман прямо указывает, что «Даже считая неравенство рыночных доходов естественным, следует стремиться снизить его за счет активизации и совершенствования государственного регулирования рынка» (Кругман, 2009. С. 272). Этой же позиции придерживается и Нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц, который пишет: «Рынки сами по себе, даже тогда, когда они стабильны, зачастую приводят к высоким показателям неравенства, что на выходе означает несправедливость» (Стиглиц, 2015. С. 38).

Среди первоочередных мер по регулированию уровня неравенства П. Кругман считает необходимым, во-первых, установить более высокое налогообложение состоятельных слоев общества и, во-вторых, повысить уровень минимальной оплаты труда (Кругман, 2009. С. 274, 277, 279–282). Значение налогов в решении проблемы неравенства отмечает и Т. Пикетти: «Идеальной мерой, которая дала бы возможность избежать бесконечной спирали неравенства и установить контроль над динамикой капитала, стал бы мировой прогрессивный налог на капитал» (Пикетти, 2015. С. 469).

Налогообложение, направленное на сокращение экономического неравенства между различными доходными группами населения, является наиболее важной частью механизма перераспределения доходов. Существующие же в России правовые и экономические механизмы в сфере регулирования доходов не только не решают задачу борьбы с неравенством и бедностью, а напротив, воспроизводят последние в расширенном масштабе. Демократические страны применяют прогрессивную школу налогообложения. Россия же с 2001 г. отказалась от такого подхода и практикует единую ставку подоходного налога (13%). Подобной практики в настоящее время придерживаются Румыния и Саудовская Аравия. Применение единого налога по сути представляет собой мультипликатор неравенства: доходы бедных уменьшаются, а доходы богатых увеличиваются.

Весьма актуальна для России и проблема повышения минимального размера оплаты труда, учитывая, что за 2013–2015 гг. по данным официальной статистики численность работников с заработной платой ниже величины прожиточного минимума увеличилась почти на 3% и составила более 8 млн человек. Однако правовая норма относительно установления минимальной заработной платы в Трудовом кодексе РФ до сих пор реально не увязана с прожиточным минимумом трудоспособного населения.

Государственное регулирование распределения доходов имеет объективные экономические и политические основания. При этом необходимо соблюдение баланса, так как опасны все крайности в распределении доходов. С одной стороны, чрезмерно низкий уровень неравенства в распределении доходов негативно сказывается на трудовой мотивации, ослабляет стимулы к активности наиболее предприимчивых и способных членов общества, тем самым подрывает потенциал экономического развития. И в этом случае либеральные экономисты правы: уравниловка тормозит экономическое развитие. С другой стороны, чрезмерно высокое неравенство затрудняет обеспечение равных возможностей всем членам общества, ведет к сокращению потребительского спроса и индивидуальных сбережений, обострению социальных проблем, а при определенных условиях может послужить источником социально-политической напряженности и нестабильности. И здесь либеральная концепция терпит полный крах: страны, где имеется высокая степень экономического неравенства – это страны

низкого уровня развития, отягощенные коррупцией, преступностью, высокой смертностью и социальной нестабильностью.

В этом отношении можно вспомнить позицию А. Маршалла. С одной стороны, писал он, – «равное распределение национального дохода» приведет лишь к разорению многих предпринимателей. К тому же в этом случае доходы народных масс «близко не поднимутся даже временно к уровню, предсказуемому социалистическими ожиданиями «золотого века». Однако, с другой стороны, нет никакой необходимости и потому морального оправдания для существования крайней нищеты бок о бок с огромным богатством. Неравномерность богатства... –серьезный дефект в нашем экономическом устройстве. Любое уменьшение его, достигнутое средствами, которые не подрывают мотивов свободной инициативы и силы характера, было бы, по-видимому, явным общественным достижением» (*Маршалл, 1993. С. 132–133*).

Для компенсации неравномерности распределения доходов необходимо проведение эффективной государственной социально-экономической политики. А эта политика будет эффективной только в том случае, если она способствует преодолению необоснованного неравенства, которое является избыточным с точки зрения общественных интересов. То есть оптимальная степень неравенства складывается под влиянием взаимодействия рыночных механизмов и социального регулирования государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Абалкин Л.* (2005). Взгляд в завтрашний день. М.: ИЭ РАН.
- Анисимова Г.В.* (2013а). Неравенство и экономический рост в глобализационной экономике // *Экономика и предпринимательство*, № 2 (31), с. 62–68.
- Анисимова Г.В.* (2013б). Я.А. Кронрод о социально-экономической неоднородности советского общества // *Вестник Института экономики РАН*, № 5, с. 33–38.
- Анисимова Г.В.* (2015). Политическая экономия неравенства: тренды // В кн.: Векторы смены экономического курса: материалы V Международной научной конференции «Абалкинские чтения». М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, с. 85–94.
- Бутенко А.П.* и др. (1988). Социализм: социальная справедливость и равенство. М.: Наука.
- Воейков М.И.* (2012). Я.А. Кронрод и дилеммы советской политэкономии (к 100-летию со дня рождения) // *Terra Economicus*, т. 10, № 2, с. 54–65.
- Воейков М.И., Анисимова Г.В.* (2015а). Экономическое неравенство и экономический рост: проблемы измерения и регулирования // *Вестник РГНФ*, № 3, с. 89–100.
- Воейков М.И., Анисимова Г.В.* (2015б). Тренды экономического роста и неравенства на постсоветском пространстве // *Общество и экономика*, № 3, с. 26–46.
- Дорлинг Д.* (2014). Равенство. М.: Книжный Клуб Книговек.
- Капустин Е.И.* (1974). Тарифная система и ее роль в организации и регулировании заработной платы // *Труд и заработная плата в СССР*. М.: Экономика.
- Кронрод А.Я.* (1966). Законы политической экономии социализма. М.: Мысль.
- Кронрод Я.А.* (1987). Производительные силы и общественная собственность. М.: Наука.
- Кругман П.* (2009). Кредо либерала. М.: Европа.
- Кузьминов И.И.* (1971). Очерки политической экономии социализма. М.: Мысль.
- Маршалл А.* (1993). Принципы экономической науки, т. III. М.: Прогресс.
- Мизес Л.* (2000). Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М.: Экономика.
- Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса (2014) / Под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. М.: Культурная революция.

Пашков А.О. (1971). О собственности на средства производства, классах, социальных группах и характере труда при социализме // *Вопросы экономики*, № 11, с. 93–109.

Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс.

Рабкина Н.Е. (2000). Избранные труды по макроэкономике. М.: Эребус.

Руткевич М.Н. (1982). Становление социальной однородности. М.: Политиздат.

Стиглиц Дж. (2015). Цена неравенства. М.: Эксмо.

Федеральная служба государственной статистики (2002). Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат России.

Федеральная служба государственной статистики (2015а). Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Росстат.

Федеральная служба государственной статистики (2015б). Россия в цифрах. М.: Росстат.

Федеральная служба государственной статистики (2015в). Динамика инвестиций в основной капитал в Российской Федерации (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/#, дата обновления 11.03.2015).

Федеральная служба государственной статистики (2015г). Структура использования денежных доходов (динамика) (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#, дата обновления 18.12.2015).

Федеральная служба государственной статистики (2016). Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/, дата обновления 29.01.2016).

Цаголов Н.А. (1983). Вопросы теории производственных отношений социализма. Избранные произведения. М.: Изд-во Московского университета.

ЦСУ СССР (1971). Народное хозяйство СССР в 1970 году (Стат. ежегодник). М.: Статистика.

ЦСУ СССР (1986). Народное хозяйство СССР в 1985 году (Стат. ежегодник). М.: Финансы и статистика.

Шевяков А., Кирута А. (2002). Измерение экономического неравенства. М.: Лето.

Экономическая теория: феномен Я.А. Кронрода: к 100-летию со дня рождения (2012) / Сост. Т.Е. Кузнецова. СПб.: Нестор-История.

Adams R.H. (2003). Economic Growth, Inequality and Poverty: Finding from a New Data Set // Washington, DC: *The World Bank Policy Research Working Paper*, no. 2972.

Ahluwalia M. (1976). Inequality, poverty and development // *Journal of Development Economics*, vol.3 (4), pp. 307–342.

Bigsten A. and Levin J. (2001). Growth, Income Distribution, and Poverty: A Review. Helsinki: World Institute for Development Economic Research (UNU-WIDER).

Bohman J. (1996). Public Deliberation: Pluralism, Complexity and Democracy. Cambridge, Mass: MIT Press.

Deininger K. and Square L. (1996). A New Data Set Measuring Income Inequality // *The World Bank Economic Review*, vol. 10, no 3, pp. 565–591.

Glaeser E., Scheinkmann J. and Shleifer A. (2003). The Injustice of Inequality // *Journal of Monetary Economics*, vol. 50, no. 1. p. 199–222.

Kusnets S. (1966). Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. New Haven and London: Yale University Press.

Kuznets S. (1955). Economic growth and Income inequality // *The American Economic Review*, vol. XLV, no. 1, p. 1–28.

Kuznets S. (1953). Shares of Upper Income Groups in Income and Savings. N.Y.: National Bureau of Economic Research.

Milanovic B. (1994). Determinants of Cross-Country Income Inequality. An «Augmented» Kuznets Hypothesis // Washington, DC: *The World Bank Policy Research Working Paper*, no. 1246.

Williamson J.G. and *Lindert P.H.* (1980). *American Inequality: A Macroeconomic History*. New York: Academic Press.

Yates M. (2003). *Naming the System: Inequality and Work in the Global Economy*. New York: Monthly Review Press.

You J. and *Khagram S.* (2005). A comparative study of inequality and corruption // *American Sociological Review*, vol. 70, no. 1, p. 136–157.

REFERENCES

Abalkin L. (2005). A look into the future. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russian.)

Anisimova G.V. (2013a). Inequality and economic growth in globalizing economy. *Economics and Entrepreneurship*, no. 2 (31), pp. 62–68. (In Russian.)

Anisimova G.V. (2013b). J.A. Kronrod on the socio-economic heterogeneity of advice-society. *Bulletin of the Institute of Economics*, no. 5, pp. 62–68. (In Russian.)

Anisimova G.V. (2015). The political economy of inequality: trends. Vectors of change of economic policy: reports of the V International Conference «Abalkin reading». Moscow: Plekhanov Russian University of Economics Publ., pp. 85–94. (In Russian.)

Butenko A.P. et al. (1988). *Socialism: social justice and the equality*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)

Dorling D. (2014). *Equality*. Moscow: Knizhnyi klub Knigovek Publ. (In Russian.)

Economic theory: the phenomenon of J. A. Kronrod: to the 100 anniversary since the birth of (2012) / Ed. *T.E. Kuznetsova*. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (In Russian.)

Income Inequality and Economic Growth: an exit strategy from the crisis (2014) / Ed. *A. Buzgalin, R. Traub-Merz, M. Voeikov*. Moscow: Kulturnaya Revolutsiya Publ. (In Russian.)

Kapustin E.I. (1974). The tariff system and its role in the organization and regulation of wages. *Labour and wages in the USSR*. Mysl Publ: Ekonomika Publ. (In Russian.)

Kronrod A.Y. (1966). The laws of political economy of socialism. Moscow: Mysl Publ. (In Russian.)

Kronrod J.A. (1987). The productive forces and social ownership. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)

Krugman P. (2009). *Credo liberal*. Moscow: Evropa Publ. (In Russian.)

Kuzminov I.I. (1971). *Essays on the political economy of socialism*. Moscow: Mysl Publ. (In Russian.)

Marshall A. (1993). *Principles of an economic science*, vol. III. Moscow: Progress Publ. (In Russian.)

Mises L. (2000). *Human Action: A Treatise on economic theory*. Moscow: Ekonomika Publ. (In Russian.)

Pashkov S.A. (1971). Personal ownership of the means of production, classes, social groups and the nature of labor under socialism. *Voprosy ekonomiki*, no. 11, pp. 93–109. (In Russian.)

Piketty T. (2015). *Capital in the twenty-first century*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian.)

Rabkina N.E. (2000). *Selected papers on macroeconomics*. Moscow: Erebus Publ. (In Russian.)

Rutkiewicz M.N. (1982). *Formation of social homogeneity*. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian.)

Shevyakov A. and *Kiruta A.* (2002). *The measurement of economic inequality*. Moscow: Leto Publ. (In Russian.)

- Stiglitz J.* (2015). Price disparities. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian.)
- THE CSO OF THE USSR* (1971). National economy of the USSR in 1970 (Stat. Yearbook). Moscow: Statistics. (In Russian.)
- THE CSO OF THE USSR* (1986). National economy of the USSR in 1985 (Stat. Yearbook). Moscow: Finance and statistics. (In Russian.)
- The Federal State Statistics Service of the Russian Federation* (2002). Social status and standard of living of the Russian population. Moscow: State Statistics Committee of Russia. (In Russian.)
- The Federal State Statistics Service of the Russian Federation* (2015a). Social status and standard of living of the Russian population. Moscow: Rosstat. (In Russian.)
- The Federal State Statistics Service of the Russian Federation* (2015b). Russia in figures. Moscow: Rosstat. (In Russian.)
- The Federal State Statistics Service of the Russian Federation* (2015c). Dynamics of investments into fixed capital in the Russian Federation (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/#, date of updating 11.03.2015). (In Russian.)
- The Federal State Statistics Service of the Russian Federation* (2015g). Structure of use of monetary incomes (dynamics) (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#, date of updating 18.12.2015). (In Russian.)
- The Federal State Statistics Service of the Russian Federation* (2016). The distribution of total monetary income and the characteristics of differentiation of monetary incomes of the population (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#, date of updating 29.01.2016). (In Russian.)
- Tsagolov N.A.* (1983). Theory of production relations of socialism. Selected works. M.: Publishing House of Moscow University. (In Russian.)
- Voeikov M.I.* (2012). J.A. Kronrod and dilemmas of Soviet political economy (to the 100th anniversary). *Terra Economicus*, vol. 10, no. 2, pp. 54-65. (In Russian.)
- Voeikov M.I.* and *Anisimova G.V.* (2015a). Economic inequality and economic growth: the problems of measurement and control. *The Bulletin of the Russian Fund for Humanities*, no. 3, pp. 89-100. (In Russian.)
- Voeikov M.I.* and *Anisimova G.V.* (2015b). Trends of economic growth and inequality in the former Soviet territory. *Society and Economy*, no. 3, pp. 26-46. (In Russian.)
- Adams R.H.* (2003). Economic Growth, Inequality and Poverty: Finding from a New Data Set. Washington, DC: *The World Bank Policy Research Working Paper*, no. 2972.
- Ahluwalia M.* (1976). Inequality, poverty and development. *Journal of Development Economics*, vol. 3 (4), pp. 307-342.
- Bigsten A.* and *Levin J.* (2001). Growth, Income Distribution, and Poverty: A Review. Helsinki: World Institute for Development Economic Research (UNU-WIDER).
- Bohman J.* (1996). Public Deliberation: Pluralism, Complexity and Democracy. Cambridge, Mass: MIT Press.
- Deiningner K.* and *Square L.* (1996). A New Data Set Measuring Income Inequality. *The World Bank Economic Review*, vol. 10, no 3, pp. 565-591.
- Glaeser E., Scheinkmann J.* and *Shleifer A.* (2003). The Injustice of Inequality. *Journal of Monetary Economics*, vol. 50, no. 1. p. 199-222.
- Kusnets S.* (1966). Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. New Haven and London: Yale University Press.
- Kuznets S.* (1955). Economic growth and Income inequality. *The American Economic Review*, vol. XLV, no. 1, p. 1-28.
- Kuznets S.* (1953). Shares of Upper Income Groups in Income and Savings. New York: National Bureau of Economic Research.

Milanovic B. (1994). Determinants of Cross-Country Income Inequality. An «Augmented» Kuznets Hypothesis. Washington, DC: *The World Bank Policy Research Working Paper*, no. 1246.

Williamson J.G. and *Lindert P.H.* (1980). *American Inequality: A Macroeconomic History*. New York: Academic Press.

Yates M. (2003). *Naming the System: Inequality and Work in the Global Economy*. New York: Monthly Review Press.

You J. and *Khagram, S.* (2005). A comparative study of inequality and corruption. *American Sociological Review*, vol. 70, no. 1, p. 136–157.